

Без четверти шесть в моей квартире нервно и настойчиво зазвенел звонок. Не открывая глаз, я нащупала телефонный аппарат на тумбочке у кровати и сняла трубку.

– В этом доме дадут когда-нибудь поспать! – заворчал спр-сонок мой сердитый муж и, нахлобучив себе на голову подушку, тут же захрапел, повернувшись на другой бок.

– Алло! Алло! – раздался в трубке срывающийся голос моей кумы Лариски, – Наташка!.. Прости!... Ты спишь?..

– Уже нет, – сонно проворчала я.

В трубке что-то забулькало. Сквозь бурный поток слёз, перемешивая обрывки фраз, моя подруга просила меня немедленно приехать к ней.

– Лариска... ну что опять случилось? – сонным голосом протянула я, протирая глаза и убирая волосы с лица. – Давай спокойно и по порядку.

В течение нескольких минут в трубке были слышны лишь одни рыдания и обрывистые фразы:

– Быдло!.. Быдло!.. Я его ненавижу, ненавижу! Алкаш проклятый!.. Он меня побил!.. Всё! Всё! С меня хватит! Я его выгнала!.. Навсегда!.. Наташка! Мне плохо!.. Наташка!.. – И опять рыдания. – Приезжай, Наташка, я сейчас умру... Наташка!..

Ехать в шесть часов утра мне не хотелось, зная наперёд весь уже знакомый мне сценарий Ларискиных истерик по поводу очередного выпроваживания её альфонса, тем более, что, просидев допоздна над сложным редакционным материалом по Центру космической связи, я чувствовала себя разбитой и не выспавшейся, а до работы оставалось ещё добрых три часа. Но убеждать мою куму Лариску в том, что нашу встречу надо отложить до вечера, было бесполезно. Она требовала немедленного моего приезда в качестве неизменной своей «жилетки», на

которую так много уже было пролито её горьких слез, что сухого места не осталось.

– Хорошо, Лариса, я буду у тебя через час, – пообещала я и положила трубку. Через час не получилось, так как мой Серёжка, испорченный в детстве дурным примером мужского культа в семье, требовал к себе слишком много внимания:

- Где мои носки?
- Там, где ты их бросил вчера.
- Я имею ввиду чистые...
- В шкафу, разумеется.
- Подай мне часы.
- Возьми на тумбочке.
- А ты на что?
- А больше не на что?
- Разговорчики в строю!...

Лениво переругиваясь, скорее по привычке, мы наконец расстались, чмокнув друг друга на ходу. Серёжка умчался в сторону своего КПП, а я уже тормозила за углом нашего дома проезжающую мимо маршрутку, чтобы успеть до работы хотя бы на пятнадцать минут забежать к своей непутёвой подруге.

Давняя школьная дружба связывала нас с Ларисой и крепла с годами, несмотря на столь разные наши судьбы. И если на свою судьбу до сегодняшнего дня мне грех было обижаться, то судьба Ларисы не баловала её особой лаской, испытывая её на прочность суровыми жизненными испытаниями. Она рано осиротела, если не считать отца, который бросил их с матерью, когда Ларисе было чуть больше года. Девочку в основном воспитывала бабушка, так как маме приходилось много работать – отец скрывался от алиментов, и вместо ожидаемых скудных переводов чаще всего приходило короткое сообщение о том, что адресат выбыл. Мама работала инженером на одном из крупных предприятий города и часто уезжала в командировки.

Ларисе было десять лет, когда с мамой случилась беда: в одну из последних своих командировок мама уехала и не вернулась, попав в автомобильную катастрофу по дороге в аэропорт в далёком чужом городе. Среди вещей, привезённых вместе с мамой, был пушистый розовый заяц, подарок, который везла мама своему ребёнку. Все эти ужасные несколько дней девочка не расставалась с игрушкой. Глаза её были сухи – она не плакала, а только крепко-крепко прижимала к себе нелепо яркого ро-

зового зайца, и когда у девочки осторожно попробовали забрать его, она страшно закричала, забилась в истерике, затем слегла.

В те тяжёлые дни я не отходила от неё ни на минуту и даже спала рядом в кресле, пока Лариса не поправилась. Моя мама готовила нам на двоих – наши мамы были подругами, и жили мы тогда в одном доме и на одной лестничной площадке. Через несколько лет умерла и бабушка, оставив внучке двухкомнатную квартиру в центре города и сберкнижку на небольшую сумму. Все сбережения, которые бабушка всю жизнь откладывала на «чёрный день», «сгорели», когда развалилось большое крепкое государство. Лариса только и успела купить на них две полки для книг и журнальный столик. К этому времени она уже окончила медучилище и работала процедурной сестрой в одной из городских клиник. И всё же, несмотря на тяжёлые испытания, Лариса не растратила оптимизма и душевного тепла. Наплакавшись над очередной какой-нибудь своей неудачей, она тут же о ней и забывала.

Природа щедро одарила её добродушием, умением сочувствовать и переживать чужую боль, как свою. Она могла плакать, как ребёнок, над каждой раненой и больной собакой, и в доме её постоянно проживало сразу несколько бездомных животных, которых она выхаживала, скармливая им скромные запасы своего холодильника, и люди, зная её доброту и отзывчивость, подбрасывали ей бездомных кошек и собак «до кучи». «Скорая помощь», – называли её соседи, и не было дня, чтобы не неслась она со своим фельдшерским чемоданчиком в какую-нибудь квартиру мерить давление или делать укол, засиживаясь потом допоздна у какой-нибудь больной одинокой старушки, выслушивая грустные исповеди, вздыхая и вытирая наворачивающиеся на глаза слёзы. Сердобольная моя Лариска! Она не выносила одиночества, а в личной жизни ей не везло, хоть и была она и собой хороша, и хозяйка образцовая. Жизнь научила её рано заботиться о себе: она прекрасно шила, обвязывала и себя, и подруг, и всех своих крестников, умела красиво, творчески накрыть праздничный стол, да и в любой компании была душой – неутомимой выдумщицей всевозможных шуток и розыгрышей. Но личная жизнь так и не сложилась с тех пор, как не вернулся с афганской войны её Алёшка Ерохин – первая и единственная любовь в её жизни, а уж готовы были к свадьбе и кольца, и платье. С тех пор было у неё несколько неудачных попыток устроить свою личную жизнь, но все они заканчивались одинаково. Отгуляв поочередно на свадьбах всех своих подруг,

она постепенно сменила роль свадебной подружки на роль кумы, своих детей так и не завела, перейдя в разряд старых дев и «краткосрочных любовниц».

Не успела я нажать на кнопку звонка, как дверь тут же отворилась, и Лариска, взъерошенная и заплаканная, схватила меня за руку и втащила в квартиру. В комнате у неё царил непривычный беспорядок: постель была разобрана, вещи валялись на полу, словно Мамай воевал здесь всю ночь. Мамай, по имени Валера – последний Ларискин любовник из серии «болтающихся в проруби», – мыкался «от одного берега к другому». Он неделю жил у Лариски и клялся, что подал на развод со своей «мымрой», потом исчезал на неделю, потому что мирился с «мымрой», и так продолжалось уже больше года как в мыльных бразильских сериалах. Каждый раз в своё новое возвращение сей блудный «сукин сын» дарил Лариске какую-нибудь безделушку, клятвенно заверяя её, что пришёл навсегда и раскладывал в ванной свои бритвенные принадлежности. Очередной непродолжительный «медовый месяц» как всегда заканчивался в лучшем случае скандалом и разводом, в худшем – как в теперешнем – дракой и тем же разводом. И так продолжалось до бесконечности.

Наплакавшись вдоволь на моём плече, Лариска схватилась за чайник, но я её остановила, взглянув на часы и охнув. Почти скатившись по лестнице, уже на первом этаже я крикнула подружке, что ещё зайду, и помчалась через улицу, а затем дворами к высокому серому зданию – редакции газеты, где я работала. И, как назло, у двери своего кабинета столкнулась с шефом, который меня уже разыскивал, сердито поплёскивая очками и поминутно поглядывая на часы. Пришлось на ходу сочинять оправдание, что ездила, якобы, за детьми в деревню, (хотя забирать их собиралась ещё только через неделю).

– Наталья Леонидовна, вас ожидал посетитель да так и не дождался – оставил вам папку с бумагами на столе, – строго проинформировал меня шеф.

Я рыбкой скользнула в свой кабинет и притворила за собой дверь. На моём столе уже разрывался телефон.

– Алло! – сняла я трубку.

– Наташка, это я, – раздался в трубке виноватый голос моей подружки, – как ты? Тебе не попало?

Не успела я что-либо ответить, как она, перебивая меня, затараторила о своих планах, которые она каждый раз строила,

выпроваживая своего Валеру. На сей раз она «уезжает на заработки в Германию – в Баден-Баден какой-нибудь, например, – будет жить в качестве гувернантки у какого-нибудь колбасника, нянчить его детей, а колбасник вдруг окажется вдовцом или разведённым – всякие ведь бывают случаи...»

– Лариса! – кричу ей в трубку, – меня выгонят с работы, потом из дома, и мы вместе поедем работать гувернантками-колбасниками! А пока... дай мне работать – у меня весь стол завален бумагами! Я забегу к тебе. Пока!

Я кладу трубку и перевожу дыхание. Светлана Алексеевна смотрит на меня из-под очков и прячет улыбку:

– Кофе хочешь? Я сейчас поставлю. Тебе не повредит одна-другая чашечка, да и пирог я вчера пекла – угостить хочу.

Я развожу руками, оглядывая свой заваленный стол.

– Успеется, – смеётся она, доставая чашки.

Рабочий день начинается хорошо! Ничто так лучше не восстанавливает трудоспособность и не поднимает настроение, как чашечка душистого кофе, заваренного нашим заводделом Светланой Алексеевной, способной печь такие кулинарные шедевры, как песочный пирог с орехами и черносливом!

– У Ларисы опять проблемы с Валерой? – спрашивает она, разливая кофе и пододвигая мне тарелку с пирогом. – Жаль девочку – не везёт ей в личной жизни.

Светлана Алексеевна – наша «шкатулочка с секретами» – большая умница и добрая душа.

– Да, – киваю ей, – что поделаешь! Я уж ей сколько раз говорила: не трать на него время. Балабол и пустобрёх! Не такой мужчина тебе нужен. Пристроился удобно между двумя женщинами и морочит головы обеим. Не будет с него толку. Ну какой это муж! Да и не уйдет он от жены – что он, дурак что ли! Она ж его содержит: кормит, поит, одевает. Ну и что с того, что «старая кошёлка», зато очень удобная. А Лариска ему, как игрушка для утех. Кстати, как Вика? Пишет? Звонит?

– Вчера только говорила с ней по телефону. Слышно лучше, чем у нас по городу. И связь у них надёжнее – вот так! Кричит в трубку: «Людвигсбург на проводе! Мамочка, я хочу домой!» – Что-нибудь случилось, дочка? – спрашиваю. – «Нет, – говорит, – просто хочу домой и всё. Соскучилась». – Обещают отпуск через пару месяцев. Учила-учила пять лет, чтобы чьих-то детей в чужой стране нянчить – нянечка с высшим образованием, – вздыхает Светлана Алексеевна и погружается с головой в работу. – Кстати, мужичок тут один приходил без тебя, – спохватилась

она, – вон папка у тебя на краю стола. Потоптался-потоптался. Нерешительный такой. Оставляю вам, – говорит, – историю любви – может, чего напишете, а нет – так выбросите в корзину. Подождал да и ушёл, сказал, что зайдёт потом. Да ещё сказал, что история-то про заморскую невесту – не просто так, – подмигнула Светлана Алексеевна. – Полистай на досуге, – добавила она и сняла трубку – телефон звонил почти не умолкая – такой выдался напряженный день.

Пухлую папку, оставленную мне незнакомым посетителем, пришлось прихватить домой – на работе руки так до неё и не дошли. Серёжка встретил меня в дверях с поварёшкой в руке:

– Где тебя носит? Порядочные хозяйки домой авоськи с продуктами несут, а она опять какой-то хлам бумажный притащила, – ворчал мой муж, принимая из моих рук папки с бумагами, – опять до полночи будешь, как дятел, стучать на машинке?

– Не ворчи, это хлеб насущный, – отшучиваюсь я, переобуваясь в домашние тапочки. – О! У нас вкусно пахнет!

– Мой руки и садись, пельмени остывают. Пока тебя дождёшься – с голоду помрёшь, а голодный муж – свирепый муж! – зарычал мой Серёжка, сделав страшную гримасу и надвигаясь на меня с поварёшкой. Вид у него был такой потешный, что я не выдержала и рассмеялась, отбиваясь от него.

– Ну, что твоя подруга – опять в разводе? – спросил он, доставая и раскладывая по тарелкам дымящиеся пельмени.

– Да, в очередном, – вздохнула я, сдабривая их обильно кетчупом, – я только от неё. Теперь у неё навязчивая идея – уехать на заработки в Германию.

– Дабы подцепить там себе жениха заграничного! Много наших дур туда рвануло, да вот только что-то ни одна не осталась там – все назад вернулись ни с чем. Так они хоть языком владеют, а эта... Слушай, мать, может тебя туда заслать! Ты ведь у меня на английском, как на русском, шпаришь. Найдёшь себе там муженька лет под семьдесят. А меня в гувернёры выпишешь...

– Ладно... разговорился... А насчёт Лариски ты это зря, она ведь фельдшер... А язык... курсы есть в конце концов...

– Да, да, горшки выносить, – перебил меня Серж, – за каким-нибудь парализованным стариканом да в коляске его выгуливать – это называется – устроить личную жизнь.

– Ну почему же. Вот ведь Вика у нашей Светланы не жалуется, скорее наоборот, дело даже к свадьбе там идёт. Правда, по дому скучает. Вчера звонила. А у Лариски всё равно никого нет.

Вот придет Вика через пару месяцев, может быть, через неё и Лариску пристроим.

– Звонила тёща, – поменял тему мой муж, – буквально перед твоим приходом. С детьми поговорил. Домой не хотят, канючат ещё неделю. Аришка свалилась с велосипеда, ободрала коленку и локоть. Не пугайся, – засмеялся Серёжка, увидев, как округлились мои глаза, – мягкая посадка. Антошка дедов мопед разобрал и собрал, носится по деревне без глушителя – всех соседей на уши поставил. Беда там с ними матери, с сорванцами. Но она не жалуется, говорит, поправились, загорели – на детей стали похожи.

– Ну, пусть еще неделю побудут, хотя я уже так соскучилась!

Убрав посуду и включив настольную лампу, я разложила на столе бумаги, чтобы закончить срочный материал о спортивных достижениях нашей волейбольной команды, уже который год являющейся лидером в областных соревнованиях. Потянувшись за новым листом белой бумаги, я неосторожно задела папку, лежавшую на столе, и уронила её на пол. Из папки посыпались конверты с множеством почтовых марок и штампов. Я подняла один из них, достала большой, сложенный вчетверо исписанный лист на английском языке. Письмо начиналось нежными строками. Перевожу дословно:

«Милый мой, единственный, любимый! Я никогда не думала, что смогу когда-нибудь полюбить так сильно. Ты явился ко мне из моих снов, из мечты и увлёл за собой. Я не знаю, что со мной происходит. Любое воспоминание о тех мгновениях, когда мы были вместе – только ты и я – бросает меня в дрожь, и каждый день, который я теперь проживаю без тебя, мне кажется пустым и холодным, как и весь мой дом, в котором нет тебя. Это несправедливо! Ведь мы созданы друг для друга! А значит, должны быть вместе. Я всю жизнь тебя искала, и никто и ничто теперь тебя у меня не отнимет – мою судьбу, мою сладкую половинку. Я плакала и не стеснялась своих слёз после нашего расставания в аэропорту. Потом, когда я прошла регистрацию, выяснилось, что рейс задерживается на час. Мне стало так плохо – ведь мы могли бы побыть ещё целый час вместе. Из Амстердама долетела нормально. Мы приземлились в Атланте в среду в 13 ноль-ноль. На таможне забрали кое-что из фруктов, но вино, которое дала твоя мама, я довезла, и моей маме оно очень понравилось. Знаешь, я собираюсь ранней весной купить виноградники. Мы разведём ваш крымский виноград, ладно?

Дома всё в порядке. Моя мама рада за меня. Она спокойно отнеслась к моим планам и нашей помолвке – лишь бы я была счастлива. Мои друзья – Беверли и Том – очень рады за меня и ждут тебя, чтобы познакомиться и подружиться. Том тоже, как и ты, занимается фотоделом. А когда вы с Томом уедете в лес на фотоохоту, мы с Беверли будем загонять в лес медведей, чтобы вы их фотографировали... Но мы с подругой и сами очень милы и симпатичны – куда уж медведям с нами соперничать! Ты улыбаешься, милый? Я рада, что подняла тебе настроение.

Я тебе рассказывала про своего квартиранта Стивена. Он такой неряха! Сколько раз ему говорила разобрать в сарае все свои завалы! Знаешь, я бы отказала ему в жилье, но 250 долларов на дороге не валяются. Боюсь, что если и дальше так пойдет, то придётся ему подыскивать другую квартиру. Правда, мои доходы уменьшатся, и надо будет изыскивать другие...».

Я отложила письмо – подробный отчёт о ведении хозяйства практичной американки мне показался скучноватым. Из конверта выпал ещё один листок, оказавшийся концом письма. И снова пыльные строки, полные любви и нежности:

«...Милый, любимый, родной! Как тянутся дни! Как скоротать их до нашей встречи! Ведь ты мне обещаешь, что не будешь меня мучить долгой разлукой! Я люблю тебя! Я хочу тебя! Я не могу без тебя, мой ангел, спустившийся с небес!.. Господь не оставит нас. Я так долго тебя ждала! Береги себя для меня! Целую! Целую! Целую!

Твоя Саманта».

Достаю ещё один конверт. Усаживаюсь удобнее в кресле.

«... Милый! Сегодня весь день шёл дождь. Приезжал папа, помог мне достроить сарай и загоны для лошадей. Когда ты приедешь, у тебя будет собственная лошадь для верховой езды. Я закрыла глаза и представила, как ты восседаешь на лошади, а я встречаю тебя у ворот... И наши дети... много детей: и мальчики, и девочки – все похожи на тебя. Милый, когда я приехала домой, я надеялась, что Господь мне пошлёт ребёночка – ведь мы не предохранялись. Но меня ожидало разочарование... О!!! Мой горячий, мой страстный, мой нежный! Твои ласки меня сводили с ума! Когда же мы опять будем вместе! Этот дождь – серая стена между нами, и целый океан нас разлучает – но разве это преграда для двух любящих сердец! Ведь мы просто созданы друг для друга. Помнишь, как нам вдвоём было хорошо! Я

вся горю от одних воспоминаний, когда ты целовал меня всю... О! Как ты умеешь это делать! Я растворялась в тебе, как воск в огне. Я не могу без тебя! Как долго тянется вся эта волокита с документами! Неужели все эти бюрократы не понимают, как мы нужны друг другу!

Вчера разбирала шкафы – готовлю спальню для нас с тобой. У нас будет широкая кровать с зеркалом в изголовье, где мы будем любить друг друга... Передай маме, что я вышлю ей эскиз своего свадебного платья. По крайней мере, она не будет чувствовать себя в стороне от этого события. Я люблю её тоже. Как ты думаешь, не послать ли ей маленький сувенир?.. Ты хочешь купить обручальные кольца у себя или в Америке? Мне кажется, здесь они дешевле. Я хочу простое золотое кольцо.

Ура! Стивен наконец-то съехал! Но не доплатил мне 10 долларов. В результате у меня испортилось настроение, но я всё равно с него эти деньги выжму – никуда он от меня не денется! Он обещал отдать в течение недели ... Посмотрим...

Я рада, что у твоего сына всё наладилось. Пусть женится – родители не должны вмешиваться в личную жизнь своих детей. Твоя дочь мне тоже очень понравилась. Очень симпатичная и умная девочка. Надеюсь, мы с ней подружимся. Что же твоя бывшая жена так долго не подписывает документы? Мне её жаль... Она не понимает, какое сокровище потеряла. А я нашла! Ты мой! Мой! МОЙ! Никому тебя не отдам!

Я получила анкету, которая называется Т – 129-Ф – это запрос для иностранного жениха. Его будут рассматривать в 3-5 месяцев. О! Это целая вечность! Я этого не вынесу! Милый! Скорее бы.

Целую! Целую! Целую! Любимый мой!

Твоя Саманта».

И снова пылкие строки, но уже следующего письма:

«... Милый, родной, как тянется время! Как не хватает тебя! С тех пор, как погода установилась, потеплело, так хорошо стало по вечерам, сидя на крылечке, смотреть на луну и звёзды – они так ярки здесь, где я живу! И так жаль, что тебя нет рядом. Я мысленно представляю, как сидим мы, обнявшись, и смотрим на небо, а Господь радуется за нас – ведь это Он послал мне тебя, чтобы мы были счастливы. Мы созданы в этом мире друг для друга. Занимаешься ли ты на курсах, изучаешь ли английский? Поторопись – у тебя мало времени, хотя, помнишь, когда мы были только вдвоем, нам не нужен был переводчик...

Обещаю, что я тоже выучу русский язык – как будет мило: ты мне на английском, а я тебе на русском – о любви!

Я получаю твой факс ежедневно – это большие расходы! И тексты такие большие! Ты расточителен! Я понимаю – письма идут дольше, но ведь и стоит это гораздо дешевле. С тех пор, как я вернулась домой, мои расходы на переговоры стали расти с каждым днём и дошли до 150 долларов в месяц. Я стараюсь экономить на всём, чтобы к твоему приезду скопилась некоторая сумма денег для начала какого-нибудь дела. Поэтому факсом буду пользоваться лишь по особой необходимости.

Отец на этой неделе помогал мне белить дом, поставил новые ворота и загон для собак. Высвободившуюся территорию можно будет использовать для выпаса лошадей.

Я не дождусь нашего венчания! Это пройдёт в выходные дни, а в сентябре у нас будет свадебное путешествие, и мы поедem в Гетенбург, Тенеси, на Красные камни. Это прекрасное место для отдыха – тебе понравится!... Я люблю старые автомобили – мы ходим на автогонки, и ты увидишь вторую часть этой великолепной страны – своей новой Родины. Мама и тётя Алиса были в восторге от твоих подарков – кольца и серёжек с бриллиантами – они такие дорогие! Мой щедрый! Мой нежный! Я люблю тебя!

...Я еще не огородила свой участок, потому что мой отчим складывает сено в стога, и мне ещё предстоит засадить участок деревьями и кустарниками, предварительно его расчистив. Я потихоньку это делаю. Мне приходится планировать, выбирать, покупать и затем – садить. Я люблю косить траву, но не люблю полоть сорняки. Приезжай скорее, мы всё будем делать вместе – тебе будет много работы.

Уже холодно, но я пока ещё не топлю – в моём доме хорошая теплоизоляция.

...Я распродала много барахла из подвала. Хотя всё время шли дожди, люди заходили. От продажи я выручила 400 долларов, и ещё осталось кое-что на продажу. Недели через три устрою ещё одну распродажу. Деньги будут очень кстати. Они всегда кстати!...»

Я перелистываю письма, выхватывая строчки из них:

«...Я перечитывала старые журналы по садоводству и огородничеству и нашла интересные страницы о туристических путешествиях. Я вырвала некоторые из них, ведь когда ты приедешь, мы будем много путешествовать. Я познакомлю тебя с

моей страной. Наш штат Джорджия очень интересный – есть много прекрасных мест для экскурсий и отдыха. Тебе очень понравится. Конечно, ты будешь скучать по своей Родине, но я сделаю всё, чтобы ты не очень скучал и полюбил мою страну, как свою.

...Сегодня утром меня разбудил телефонный звонок от самого прекрасного в мире человека – от тебя. Я считаю денёчки до нашей встречи, чтобы больше уже никогда не расставаться. Просыпаюсь с мыслями о тебе и засыпаю тоже...

...Утром обнаружила течь у счётчика – пришлось вызывать строителей... Мне так не хватает твоих мужских хозяйских рук...

...У меня есть пара антикварных кроватных спинок на продажу. Им 100-120 лет без изысков. Хочу продать по двести долларов за каждую...

...Я хочу расчистить подвал, чтобы там можно было жить тоже. Хочу устроить там наши рабочие кабинеты, ещё одну спальню, маленькую кухню и ванную. Вообще у нас будет достаточно дел, когда ты приедешь. И всё время будет отдано только тебе, мой милый Виктор, потому что ты – наивысшая ценность в моей жизни. Ну почему ещё нет до сих пор документов на визу! Мое терпение скоро лопнет.

...Не могу дождаться, когда снова тебя увижу и почувствую! Мой! Ты только мой! Навсегда! Навеки!

...Сегодня я сделала первую попытку сварить капустный суп, как учила меня твоя мама. Получилось очень густо. Я не умею варить ваш капустный суп, но я обязательно научусь. Я с удовольствием пользуюсь косметическим набором, который ты мне подарил, мой милый.

Прошу тебя: береги себя, кушай хорошо! Будешь плохо кушать – будешь слишком худой и заболеешь – видишь, как я люблю тебя – не могу не волноваться за тебя по каждому поводу, мой милый Виктор!

...На этой неделе была прекрасная погода, хотя по утрам подмораживало. Буду работать сегодня и завтра в саду. Хочу посоветоваться с тобой: не продать ли мне «Хонду» – джип, а взамен купить грузовичок, чтобы мы могли путешествовать с багажом? Скажи мне, марку какой машины ты предпочитаешь для путешествий: «Форд», «Дженерал-Моторс», «Додж»? (И снова) Люблю! Люблю, безумно обожаю, целую, горю от нетерпения обнять...

Вся-вся-вся твоя нежная, любящая Саманта».

Я откладываю очередное заморское послание в сторону. Из конверта выпадает листок на русском языке, написанный, по всей видимости, рукою самого автора... Ба! Да это же стихи!..

*С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке.
Мы – два гребца на утлом челноке,
Мы – два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы – две пчелы на жизненном цветке,
Мы – две звезды на высоте небесной... –*

...Любимая, эти стихи для тебя в день Святого Валентина. J love you!»

Перебираю конверты с русским текстом. Пробегаю глазами строки:

«...Милая, любимая, родная! Наконец-то я нашёл тебя! Я уже не верил в своё счастье на этой земле. Ты – первая и единственная женщина, которая меня по-настоящему любит, которая меня ждёт, и которой я нужен. Благодарю счастливую случайность, подарившую мне тебя, лучшую и прекраснейшую из всех женщин на земле. Я уверен, что никакая сила, кроме смерти, не сможет помешать нашему счастью. Мне очень приятно уже сейчас называть тебя своей женой. Я готов сотни раз повторять и повторять это. Ведь браки свершаются на небесах! Моя любовь к тебе настолько велика, что передать невозможно словами. Я засыпаю и просыпаюсь с твоим именем, со страстным желанием целовать и целовать каждую клеточку твоего тела. Я люблю тебя больше жизни, родная моя! Ты спасла меня от отчаяния и одиночества и всю мою жизнь наполнила смыслом. Этот смысл – ты! Хочу и сделаю всё, чтобы ты была счастлива со мной, мой ангел, спустившийся с Небес. Меня никто и никогда не понимал так, как ты. Как много у нас с тобой общего! Я нашёл тебя! Ты рождена для меня – единственная и неповторимая моя женщина. Я отправляю это письмо снова по факсу, ведь письма так долго идут, а моё сердце рвётся к тебе...

Твой навсегда Виктор».

«...Здравствуй, моя любимая. Очень рад сообщить тебе, что все письма и документы получил от тебя. Счастлив, что встретил тебя в своей жизни. Бог нам помог найти друг друга и подвергает испытаниям, но нашей любви испытания не страшны. Мы всё выдержим, чтобы быть вместе, и ради этой встречи

я готов на любые испытания. Помимо сложностей и проблем с разводом, разделом и продажей квартиры, а также сложными взаимоотношениями с моей бывшей женой, о которых я писал в предыдущих письмах, возникают всё новые и новые «баррикады», препятствующие нашей с тобой встрече. Мне трудно объяснить все эти бюрократические проволочки законов страны, в которой я живу. Тебе это просто не понять, и в письме всего этого не расскажешь. Я всё объясню, когда приеду, потому что здравомыслящему человеку понять всё это невозможно, не прожив в стране идиотов-бюрократов.

Лучше о приятном: учу английский язык, изучаю грамматику чтения и письма, чтобы писать тебе письма на английском языке. Скучаю. Любуюсь твоими фотографиями и нашими с тобой, где мы вдвоём – еще совсем недавно мы так были близки, а теперь между нами такое расстояние. Но ничто не помешает нам его преодолеть, чтобы воссоединились наши любящие сердца.

Моя переводчица Лиля уже сообщила тебе, что сказали в посольстве в Варшаве. Теперь осталось ждать документы из посольства, где будет указана дата и время собеседования у консула... Тогда мы сможем планировать мой приезд и нашу свадьбу. Любимая, я в мыслях не допускаю, что мне могут отказать в визе. Все документы, которые они требуют в посольстве, у меня есть, хотя собрать их стоило больших усилий. Я продаю квартиру – деньги мы поделим с бывшей женой поровну, и я должен подумать, как обеспечить жильём сына – это мой отцовский долг.

...Я никогда не был кулинаром, но сейчас хочу освоить технологию приготовления некоторых блюд, чтобы готовить их для тебя, родная... Запах твоих духов, который ты оставила мне на подушке, напоминает о нашей встрече, о нашей близости. Как мне не хватает тебя, родная! Какое это блаженство – чувствовать тебя всю – нежную, божественную, в своих руках... Я так люблю тебя! Привет всем твоим родственникам и друзьям...»

Интересно, где же завязка-то, которая привела к печальному концу эту любовную историю, иначе бы я не держала в своих руках эти свидетельства несостоявшегося счастья, – думаю я, перебирая письма... Читаю дальше, выхватывая некоторые строки из посланий:

«... Документы получил почтой из Варшавы. На 24 сентября назначено собеседование у консула. В Польшу выезжаю раньше указанного срока для прохождения медицинского осмотра.

Сейчас лечу зуб, протезирую. Узнал расписание поездов и самолетов. Собираю вещи к отъезду...»

Из конверта выпал листок с цифрами. Подробный отчёт об истраченных деньгах! – (догадываюсь).

600 дол. – билеты в Польшу АВИА – 2 (себе и переводчице).

554 дол. – Польша. Гостиница.

55 дол. – мед. обследование в Киеве.

100 дол. – питание в Польше (7 дней).

320 дол. – билеты переводчице (Киев – Симферополь).

100 дол. – билеты на поезд Евпатория – Киев.

600 дол. – продажа квартиры – (гос. пошлина).

700 дол. – издержки по суду.

240 дол. – судебно-техническая экспертиза.

300 дол. – адвокат.

20 дол. – документы.

20 дол. – виза в посольстве.

А вот и само письмо:

«...Милая, откуда появилось такое недоверие ко мне? Я чист перед тобой и в мыслях, и в поступках – ведь ты для меня – единственная женщина, ради которой я готов отдать всё, что у меня есть, лишь бы быть рядом. Все эти месяцы я жил одной мечтой – быть с тобой, и всё. Все, что я истратил, служило только этой цели. Ты, конечно, вправе требовать от меня отчёт – ведь ты должна знать, кому ты доверяешь себя и свою дальнейшую жизнь. Но, милая, чтобы понять, куда я потратил столько денег, надо пожить в моей стране. Мне очень трудно объяснить тебе многое из того, что ты не в состоянии понять, являясь гражданкой крепкого в экономическом и разумного в правовом отношении государства. Я попытаюсь отчитаться до копейки перед тобой обо всех расходах, но поймёшь ли ты меня? Я тебя никогда не обманывал и впредь не собираюсь этого делать. Я всё еще люблю тебя, и мне не в чем себя упрекнуть. Ты вправе поступать, как знаешь, но я до сих пор не могу понять, чем я вызвал твое недоверие ко мне...»

Крик отчаяния!..

Перебираю конверты, рассыпанные по полу. А вот и финал. Судя по всему, последнее письмо разочарованной американки. Но как же содержание этого письма отличается от строк всех тех предыдущих нежных посланий! У меня даже сложилось впечат-

ление, что писала это письмо совершенно другая женщина. Но почерк был тот же, только более размашистый – решительный:

«...Здравствуй, Виктор.

Я знаю, что ты давно ждёшь разъяснений по поводу телефонных звонков Валентины. Да, это я попросила её позвонить, чтобы получить более прямые ответы на мои вопросы. Да, я подозреваю Лилю – переводчицу твою в том, что она не всегда правильно переводит, и в том, что между вами вполне возможны определённые отношения – иначе зачем бы ты её возил везде за собой – даже в Польшу, где она была тебе без надобности... Некоторые считают других глупее себя!..

У вас, у русских, бытует ошибочное мнение, что медсёстры в США обычно к моим годам уже имеют на счету в банке не менее 500 000 долларов. И если ты думал, что заполучил себе богатую американку, то ты глубоко ошибаешься.

Есть несколько моментов, которые послужили поводом для моего недоверия к тебе:

1. Ты неоднократно писал в письмах, что изучаешь английский язык. У тебя был целый год для этого, а выяснилось, что ты ни на йоту не продвинулся в этом направлении.

2. Почему ты всё это время не работал? Неужели тебе так много времени потребовалось для оформления документов – целый год? Почему же ты не использовал этот год для изучения языка? Напрашивается вывод: тебе это было просто не нужно. И мне не понятна твоя праздность... На что ты рассчитывал, когда уволился с работы прежде времени? Каждый человек должен трудиться и думать ещё и о завтрашнем дне. Это твоё легкомыслие меня очень настораживает!

3. Куда ты потратил столько денег? Ты рассчитывал на то, что я куплю тебе билет? Ты продемонстрировал свою неспособность разумно распоряжаться деньгами – ты попусту растранижил все деньги, вырученные от продажи квартиры. У меня нет оснований доверять тебе. Ты – непрактичный, ненадежный и никчёмный человек. Ты не готов к семейной жизни и к жизни в такой стране, как США. Рассчитывал сидеть на шее у обеспеченной американки? Не думаю, что тебе бы это удалось. Наверное, мы слишком увлеклись в своей романтичности, но, слава богу, я вовремя прозрела.

Мне очень жаль, что наши отношения зашли так далеко. Но хорошо, что я вовремя спохватилась и ещё не поздно всё исправить. Твои подарки – кольцо и серьги – я постараюсь переслать тебе через нашу общую знакомую в Москве.

Саманта».

Да, подумала я, вот так история... Интересно, как она выглядит, эта Саманта. Я включила воображение, и оно тут же выдало мне карикатурный портрет бизнесвумэн, фермерши в просторной блузе с закатанными рукавами, в короткой юбке и в сапогах, туго обтягивающих икры толстых крепких ног. С хлыстом в руке и каской на голове – зелёной, лакированной, как у строителя-прораба. Почему в каске? – спросила я себя. В каске! Непременно в каске! Не знаю, почему. Я попробовала себе нарисовать портрет незадачливого жениха, но почему-то воображение мне выдало только одни глаза – ясные, серые, широко открытые и наивные, как у ребёнка... Взглянула на часы и ужаснулась: без четверти двенадцать! Какой уж тут материал о спортивных достижениях!

День закончился так же, как и начинался: мне позвонила кума. В дверях появился разбуженный телефонным звонком мой заспанный муж и обалдело уставился на меня непонимающими глазами...

– Осень в этом году будет ранняя, – сказала Светлана Алексеевна, поливая из пластиковой бутылочки розовую сенполию в горшочке на подоконнике и выщипывая из неё сухие листочки, – жара стоит – ни одного дождя за всё лето. Взгляни-ка, Наташенька, бутончик появился. Ну, наконец-то! Такая неженка, а всё-таки решилась. И даже цвет набрала, заморская красавица. Хотя бутон – это ещё не цветок – ещё и передумать может. От неё всего можно ожидать, от нерешительной, от капризульки. Всё-то ей не так: и почва не та, и вода. То темно ей слишком, то светло. Вон геранька наша – круглый год цветёт, не унимается. Хоть и внимания ей почти никакого: то не поливаем, то зальём. Отдаёт себя сполна – всю! Без остатка!... Цветы, как люди, – вздохнула Светлана Алексеевна. – Ты за детками-то когда поедешь?

– На выходных, – не отрывая глаз от бумаг, выдохнула я, дописывая последнюю строку и ставя точку.

В дверь нерешительно постучали.

– Войдите, – ответили мы со Светланой Алексеевной одновременно и дружно рассмеялись.

В дверях показался невысокий, лет сорока восьми, человек в простой клетчатой рубашке и светлых брюках. Спросив разрешения войти и поздоровавшись, он нерешительно потоптался у порога, переводя взгляд со Светланы Алексеевны на меня и неожиданно, по-детски открыто и доверчиво улыбнулся, отчего всё лицо его сразу просияло.

– Вы ко мне? – спросила я посетителя. – Проходите, присаживайтесь, я вас слушаю.

Незнакомец прошёл к моему столу, сел напротив и поднял на меня большие серо-голубые глаза, и мне показалось, что я где-то уже видела эти глаза – ясные, как и улыбка, по-детски открытые. Хорошие – отметила я про себя. Обо всём остальном сказать было нечего – довольно заурядная внешность: крупный с горбинкой нос, резко очерченные губы, гладко зачёсанные пепельные волосы с седыми висками... и честный доверчивый взгляд. Ничего особенного, за исключением глаз, а они, как известно, зеркало... Посмотрим, подведёт ли меня моя профессиональная интуиция на этот раз, – подумала я и приготовилась слушать.

– Ничем не примечательная биография советского офицера, – начал свой рассказ Виктор (так он представился), – получившего превосходное по тем временам образование, выросшего в честной интеллигентной семье и воспитанного образцовыми родителями. Пионерское детство с походами и кострами, комсомольская юность с авиамодельным спортом и мечтой о профессии лётчика-испытателя, аттестат с одними пятёрками, а в дальнейшем – и диплом с погонами лейтенанта и безукоризненными аттестациями для службы в ракетных войсках стратегического назначения в Центре космической связи в южном приморском городе. Женитьба. В общем, всё, как положено. И итог прожитой двадцатитрёхлетней совместной жизни – развод...

– Тоже, как положено, – иронично добавляю я, но Виктор улыбается, кивает мне в ответ на это и поддакивает:

– Банальная история. Пока росли дети, не замечали, что чужие, что совсем разные, что нет взаимопонимания по многим ключевым вопросам, не говоря уже о пустяках. Смотрели в одну сторону – в сторону растущих детей, всецело поглощённые заботами о них. Но выросли дети, и мы повернулись друг к другу и разглядели, наконец, свою ошибку. Моя жена никогда меня не любила – я об этом знал всегда и согревался лишь любовью к детям и их любовью ко мне – в этом был весь смысл моей жизни.

В общем, остался я один. Больно. Холодно. Тоскливо.

Работа и хобби – я очень увлеченный человек. Вот эти руки никогда не знают покоя. Иначе можно было бы свихнуться... Да ещё друзья – они меня никогда не покидали. Но всё это вместе всё равно не восполняло той огромной душевной пустоты, которая заполнила мою душу. И отчаяние, что жизнь

прожита впустую, что я не нашёл в ней чего-то самого важного, без чего не может быть человек счастливым. День начинался и заканчивался работой (она у меня была интересной, и деньги водились), друзьями, но наступал вечер, друзья расходились по домам, как птицы по гнёздам, а я возвращался к себе в пустую квартиру, где меня никто не ждал. Наверное, я очень страдал от одиночества, если друзья решили мне помочь и что-то изменить в моей жизни.

А где-то, на другом континенте, за много тысяч километров и даже в другой стране страдала такая же озябшая от одиночества душа, мечтающая о любви, понимании и нежности.

В общем, нас познакомили. Заочно. Мои московские друзья. Я получил подробное письмо с фотографией от женщины, проживающей в США. Она была ещё достаточно молода, хороша собой, самостоятельна и обеспечена. И одинока, как и я. Из кратковременной переписки мы узнали друг о друге всё и почувствовали такое родство душ, что нам захотелось встретиться. Я пригласил её приехать, и она согласилась. Представьте, как было нелегко ей на это решиться! Ехать неизвестно куда, неизвестно к кому (по существу ведь, «шапочное знакомство»), в совершенно незнакомую и «дикую» по их понятиям, страну. Да и мне такое могло только присниться.

И было всё, как во сне. Вообразите себе, Наташенька, – обратился он ко мне по-свойски, – ради трёх дней нашей встречи я делаю ремонт в квартире... и даже в подъезде, устанавливаю дома фантастическую, музыкально-светящуюся ёлку – рождественские были дни, – покупаю подарок – кольцо и серьги и радуюсь тому, что я делаю! Ради той, которую я всю свою жизнь ждал (так подсказывало мне моё сердце). Покупаю билеты себе и переводчице на самолёт и лечу в Киев – в Борисполь, где ждут меня мои друзья. Я поднимаю всех своих знакомых – влиятельных людей и добиваюсь в порядке исключения разрешения встретить мою гостью у самого трапа – что позволительно, сами понимаете, лишь для особых персон.

И вот я в сопровождении своих друзей и с охапкой самых дорогих пышных роз, охваченный волнением, бегу навстречу своей, как мне казалось, судьбе.

Три коротких дня! Но в них, наверное, можно уместить целую жизнь – так заполнены были они событиями.

Рейс на Симферополь был отменён из-за непогоды – билеты пропадали. Друзья на ходу принимают отчаянное решение, и мы несёмся в одном из легковых автомобилей по киевской

трассе в Крым. Нас сопровождают еще несколько машин – этаким предсвадебным кортеж! Моя избранница должна вернуться домой в срок – время рассчитано на минуты. У неё обратные билеты и отпуск только на пять дней – медицинская сестра операционного блока американского госпиталя не имеет права ни на минуту прогула!

Потом была встреча, друзья, цветы. Много цветов. Роскошно накрытый стол, нескончаемые беседы (с переводчиком) и три ночи любви... без переводчика. Я никогда еще не был так счастлив – мы не знали языка друг друга, но большего понимания, как в те мгновения, у меня ни с кем и никогда еще не было.

Потом были экскурсии по городу, знакомства с друзьями... и боль расставания со слезами на глазах...

А потом были письма и ожидание... Я не жалел средств, я отдал всё, что у меня было, чтобы приблизить нашу встречу и не жалел об этом. Ничто не омрачало моего счастья: ни многочисленные проблемы и всевозможные козни, которые чинила мне жена при разводе и разделе имущества, ни проблемы с оформлением визы... Я мог бы еще долго об этом рассказывать – вряд ли это будет интересно. Скажу только одно: мысль о том, что где-то далеко-далеко, на другом конце земли меня ждёт любящее сердце, придавала мне силы и уверенности в себе. Я готов был отдать всё на свете ради своего счастья с любимой женщиной, с той, которая меня ждёт.

Я пережил несколько потрясений: во время медицинского обследования в Киеве по какой-то роковой случайности перепутали мои результаты анализов и вынесли мне приговор коротким диагнозом – СПИД. Представьте, что я пережил сначала и потом, когда объявили об ошибке! Я умер и снова родился – такое состояние – не передать. А каково было пройти через консульское «сито» со своим военным коммунистическим прошлым! И выйти на маленькую цифру – пункт над пометкой – «в порядке особого исключения»! Убедить сурового американского консула, что это – Любовь! Чего мне это стоило!

Виктор махнул рукой и пошарил у себя в кармане, отыскивая пачку сигарет. Я кивнула ему – курите. Придвинула пепельницу. Светлана Алексеевна присоединилась. Беседа продолжилась.

– Я прочитала её последнее письмо. Как вы думаете, Виктор, что её так резко заставило поменять свои планы относительно вас? Что так отпугнуло? – спросила я.

– Деньги. Вернее, отсутствие их у меня. Она не могла понять, куда они у меня делись. Ведь я, стремясь ускорить нашу

встречу, не задумываясь, тратил их направо и налево. А разве в нашей стране можно по-другому?! Вы знаете, сколько этих «право» и «лево» в нашей беззаконной стране особенно для тех, кто пытается вырваться из неё за пределы! Для этого надо было пожить здесь хотя бы год, чтобы в этом убедиться, а не три дня. У меня было девять тысяч долларов, а перед выездом в Штаты я имел уже лишь только билет на самолет, оформленную визу да чемодан с необходимыми вещами... и пустые карманы. Она не поверила мне и заподозрила меня в нечистых помыслах – в жульничестве, попросту говоря. А я не смог ей ничего доказать, а главное, понял – а стоит ли доказывать, что я – не верблюд?! – Он горько усмехнулся. – Но я ни о чём не жалею, – добавил он. – Наверное, мне надо было пройти через все эти испытания, чтобы освободить свою душу от всякой скверны: тщеславия, гордыни, зависимости от денег, обид и отчаяния. Освободить для истинной любви, для веры и надежды. Сейчас я не чувствую себя несчастным и одиноким. Это временное моё состояние. У меня нет ни кола, ни двора, ни копейки за душой, но я от этого совсем не страдаю и не жалею о тех потерях – они были нужны, наверное, чтобы ощутить себя свободным для более высокого чувства. Не надо искать счастье – оно может оказаться совсем рядом и само тебя отыщет. Надо только не терять надежды и запастись терпением. И я благодарю Бога за радость очищения. Я живу ожиданием счастья, и это согревает мне душу. – При этих словах он улыбнулся своей открытой детской улыбкой...

Светлана посмотрела на часы и охнула:

– Наташенька, мы побили с тобой все рекорды! Меня дома уже, наверное, потеряли...

Виктор поднялся, засуетился:

– Я вас заговорил...

– Ничего, не впервой, – успокоила я его.

На мой робкий звонок в дверь собственной квартиры мне долго не открывали. Наверное, хотят не пускать, – иронично сказала я себе, но дверь отворилась. Мой муж, потрясая поварёшкой, произнёс гневную речь, прежде, чем меня впустить. Кажется, на сей раз он не шутил и обещал самым решительным образом «завтра же уволить меня с работы» и посадить на «своё законное место» – т. е. на кухню. Но на плите что-то вовремя зашипело, и он умчался спасать подгорающий ужин.

Пришлось весь вечер подлизываться и даже пожертвовать «новыми спортивными достижениями нашей волейбольной ко-

манды, постоянно преуспевающей в областных соревнованиях». Опять нагоняй на «летучке»! Ну и Бог с ним – пора становиться примерной женой, а не то сбежит еще куда на сторону... Хорошо, что дети пока маленькие – заботы... Еще каких-нибудь несколько лет и вырастут, а потом разглядит, что не та, что и любви-то вовсе не было. Отыщется какая-нибудь молодая «заморская невеста», и скажет он мне: «Бай-бай, мадам Брошкина!»...

– Э! Нет!.. Позвольте! Никуда не отпущу! Схватила я спящего мужа за шею да так от избытка чувств «придушила», что он крякнул и проснулся.

– У тебя что-то с «крышей», мамуля? – проворчал мой сонный Серёжка, отодвигаясь от меня и накрываясь одеялом.

– Спи, Пусик, спи, – шепнула я ласково, прижимаясь к нему и целуя в макушку, – показалось во сне.

Наконец-то удалось уснуть, и даже сон приснился: бежит моя кума Лариска по вокзалу, чемодан разыскивает – потеряла и плачет, а посадку уже объявляют. На Баден-Баден!.. И так ясно я увидела её, что даже проснулась от волнения... И вдруг!.. Осенила меня одна хорошая мысль! Я даже подпрыгнула – ну как тут можно терпеть до утра! Схватила трубку и начала набирать знакомый номер:

– Алло! Алло! Лариска, ты спишь?

– Дадут в этом доме когда-нибудь поспать!!! – завопил мой очумевший спросонок муж и нахлобучил себе на голову мою подушку.